

Внутренний наблюдатель: пути постижения

Размышления о книге К.Г. Фрумкина¹

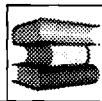
Е.В. ЗОЛОТУХИНА-АБОЛИНА

Книга Константина Фрумкина «Позиция наблюдателя» относится к числу тех своеобразных и оригинальных философских работ, которые не столь уж часто радуют современного интеллектуального читателя. Когда в начале 90-х годов рухнули идеологические барьеры, прежде тормозившие развертывание философской мысли, казалось, что написанные свободной рукой талантливые тексты посыплются как из рога изобилия. Однако прошло десять лет, и опыт показал, что интересные произведения не рождаются по социальному заказу, они вызревают и являются на свет, когда захотят, тогда, когда приходит их время. Работа К.Фрумкина и есть такое произведение — явившееся самолично, вне прежних марксистских традиций, но и не в конфронтации с ними, как опыт свободного философствования. Она построена на богатом философском и литературном материале, к которому автор прибегает для подтверждения и демонстрации своих идей, из которого он эти идеи эксплицирует. Избранная для анализа тема — существование внутреннего наблюдателя — вечна, это очень старый философский сюжет, в то же время привлеченный для

написания историко-культурный багаж относится, прежде всего, к XX и лишь отчасти к XIX веку. Можно говорить о современной трактовке темы наблюдателя, о ее актуализации и авторском видении.

Константин Фрумкин — экономист по образованию и журналист по роду занятий, тем ценнее тот высокий философский профессионализм, с которым встречается читатель при чтении книги. Текст написан логично и прозрачно, хотя речь идет о материях столь тонких, что кажется почти невозможным понятийно размышлять о подобных предметах: они требуют интуиции. Это классическое философское умозрение, построенное на рефлексии относительно культурных текстов прошлого и настоящего. Надо отдать должное автору, который почти нигде не бросается в крайности, не дает жестких утверждений и оценок, он видит тенденции, противоположные описываемым, и не забывает соотноситься с ними. Благодаря этому образ внутреннего мира человека, возникающий из-под авторского пера, оказывается достаточно сбалансированным — он не искажа-

¹ Фрумкин К.Г. Позиция наблюдателя (отстраненное созерцание и его культурные функции). Киев: Ника-центр, М.: Старклайт, 2003. 224 С.

ется концептуальными пристрастиями пишущего.

Однако обратимся к содержанию рассматриваемого текста, рассмотрим основные его идеи, не только соглашаясь с автором, но и время от времени полемизируя с ним.

Основная проблема, которая ставится в «Позиции наблюдателя», это вопрос почти кантовский: как возможно существование в живом и действующем человеке некоего внутреннего созерцателя, второго «я», которое не участвует в деяниях, а «просто смотрит» (наблюдает, «глазет», как говорит автор). Любый человек, обратившись к своему внутреннему миру, обнаружит эту таинственную структуру, хотя в обычной жизни она как бы мерцает — то проявляется, то гаснет, уходит на задний план. К. Фрумкина также интересует, чем привлекателен внутренний наблюдатель для людей, занятых духовными практиками; как возникают экстремальные, патологизированные формы самонаблюдения; каковы механизмы сознания, дающие жизнь «соглядатаю»; насколько возможно сосуществование самосозерцания и деятельности и т. д. Фактически дается всесторонний, скрупулезный, последовательный разбор соотносительности внутреннего наблюдателя с самыми разными характеристиками человеческой жизни.

Интересно то, что в книге переплетаются и находятся в органической связи гносеологические и экзистенциальные аспекты исследования, эпистемологические и культурологические штудии. Хотя я не могу согласиться с автором в том, что «идеология созерцания», которую он стремится описать, может служить базой для созерцательных социальных методологий. Созерцательность при взгляде на историю — вопрос не теоретической методологии, а медитативной практики.

Примечательно также, что ни в начале, ни в середине, ни в конце книги автор не заявляет своей философско-

мировоззренческой позиции, а значит, и онтологический статус «внутреннего наблюдателя» остается неопределенным. Можно полагать, что К. Фрумкину ближе всего феноменологическая методология, при которой структуры сознания описываются вне всякой онтологии, просто «как таковые». Автор «Позиции наблюдателя» не говорит, является ли его наблюдатель тем «вечным свидетелем», о котором пишет К. Уилбер и другие авторы эзотерического направления, или это просто особая структура рефлексивного «я» в рамках эмпирической жизни. Скорее, как мне кажется, он склонен именно к этой второй точке зрения, его созерцатель — явление повседневности, а его возможное бессмертие остается гипотетическим. Автор мыслит как скептик, как сомневающийся философ, а не как адепт какой-либо эзотерической или религиозной концепции, хотя эзотерическая литература широко представлена в книге.

Автор часто называет наблюдателя соглядатаем, следуя названию новеллы В. Набокова «Соглядатай», однако, мне кажется, что слово «соглядатай» несет ярко выраженный негативный оттенок, поэтому дальше я буду говорить о наблюдателе, хотя, возможно, и погрешу против авторской терминологии.

Рассмотрим основные идеи «Позиции наблюдателя» по главам, ибо только такой обзор даст возможность очертить основные ракурсы проблемы, представленные в тексте, показать всю палитру поднимаемых в книге вопросов.

Первая глава книги «Парадоксы традиционных представлений о созерцании» посвящена логическим парадоксам, связанным с представлением о «холодном субъекте» чистого наблюдения. В ней высказывается мысль о том, что в вопросе о существовании внутреннего наблюдателя сходятся столь различные направления как духовные практики Востока и классическая западная

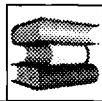
гносеология. Но если медитативное обращение к беспристрастному духовному свидетелю на Востоке в течение тысячелетий остается незабываемым, то на Западе нововременной образ сугубо рационального созерцательного субъекта вызвал неприязнь последующей философии, которая в лице К. Маркса, Ф. Ницше и З. Фрейда отказалась от сугубой созерцательности. Мистический критицизм и Востока, и Запада, считает автор, состоит в стремлении заставить свой ум просто регистрировать проходящие мимо образы, не реагируя на них и их не комментируя. Здесь, впрочем, стоит заметить в дополнение к автору, что кантовская позиция, так же как позиция следующего по его путям Гуссерля, противоречива в отношении созерцания. С одной стороны, и у Канта, и у Гуссерля субъект не деятелен, но с другой стороны, в их понимании сознание не зеркально, все его образы — результат спонтанных синтезов, отчего оказывается, что наблюдатель лишь отчасти пассивен.

Далее автор обсуждает проблему привлекательности для человека бесстрастного созерцания и пытается дать ей психологические объяснения. Он считает, что свойственная медитативным практикам «бесстрастная радость» выступает как абсолютный покой и надежная броня, что она возникает также от удостоверения собственного существования, когда мы видим себя внутренним взором как предмет среди других предметов. Что-то вроде Сартровского Другого, который, будучи в данном случае помещенным внутрь, создает нам полноту бытия. Думаю, все же, что радость — лишь одна из ступеней на пути к полному бесстрастию, привлекательность которого загадочна. Тот же Даниел Голмен, на которого автор ссылается, замечает, что на высших ступенях медитации не остается ничего, кроме бесстрастия, а описания других авторов свидетельствуют, что, в конечном счете, не оста-

ется и самого «Я» со всеми его внутренними структурами. Как объяснить тягу к небытию, к самоуничтожению наблюдателя?

Двигаясь дальше, автор выдвигает идею локализма, согласно которой бесстрастная радость оказывается возможна за счет внутреннего расслоения субъекта: безмятежный созерцатель имеет над собой более тонкую структуру, которая может «радоваться» на неком духовном надэмпирическом уровне.

Вторая глава *«Феномен созлядаемая. Об экстремальных формах самонаблюдения»* содержит очерк, посвященный экстремальным формам самонаблюдения, связанным в том числе с измененными состояниями сознания. Здесь дается подробный анализ набоковского «Созлядаемая», указывающегося на череду созлядаемых (наблюдателей) в русской и западной литературе: Лермонтов, Достоевский, Платонов, Гессе... Описывается опыт внутреннего свидетеля в работах мистико-эзотерических авторов: О. Хаксли, Г. Майринка, К. Уилбера, П. Успенского. Особенно интересными являются, на мой взгляд, размышления о духовных практиках Востока. Здесь автор как раз и обращается к теме исчезновения наблюдателя, фиксируя, что это исчезновение не отменяет потока суждений и оценок. Он полагает, что подобный опыт характерен для большинства идущих по пути медитации, хотя указывает на то, что Каббала предполагает сохранение субъектности на вершине экстаза. Я хотела бы добавить, что аналогичное сохранение «я» было типично для опыта Шри Ауробиндо. Его ученик Сатпрем пишет в своей книге, что Ауробиндо прошел состояние нирваны, связанное с потерей субъектности, и вышел на более высокие уровни с сохранением «я». При этом состоянии, называемом «интегральным разумом», «я» не исчезает, а получает особую возмож-

ность: смотреть на мир глазами всех вещей, видеть мир как видит его Бог.

Состояние наблюдателя, как считает К. Фрумкин, очень легко разрушимо, потому оно возможно только в искусственных условиях, например, в монастыре. Впрочем, здесь остается открытым вопрос о мотивах упорного и старательного сохранения внутренней созерцательности. Зачем? Думаю, ответить на этот вопрос невозможно с чисто гносеологических скептических позиций, ибо он выходит за их пределы. «Зачем?» — вопрос о ценностях. Здесь вступает в силу, во-первых, убежденность в определенном устройстве мира и его высших целях. Кроме того, это вопрос о внутреннем опыте. Тот, кто погружен в самосозерцание, переходит на какие-то другие регистры бытия, о которых мы, глядя из своего эмпирического мира, просто ничего не можем сказать. На вопрос «зачем?» тут можно только ответить: «Попробуй сам». Возможно это область иных деяний.

К. Фрумкин хорошо чувствует и понимает не только хрупкость, но и условность бытия наблюдателя. Он подчеркивает, что недеяние никогда не бывает полным. Глазение — тоже деятельность. Но что выступает толчком, ведущим человека от обычного деятельного времяпровождения к позиции созерцателя, к самонаблюдению и пробуждению недремлющего свидетеля? Автор считает, что жизненные драмы. Наблюдатель (как целое, как личность) существо посттрагическое, посткатартическое. Можно сказать, что он расколот на деятельную и созерцательную части в результате потрясения. Стоит заметить, что в силу сложности рассматриваемых вопросов автор не всегда может соблюдать строгость терминологии, содержание слова «наблюдатель» у него флукутирует, оборачивается: наблюдателем оказывается то весь субъект, то его созерцательная часть, он созерцает то собственный внутренний

мир, то внешние обстоятельства, однако это не мешает чтению, так как смысл проясняется из контекста.

Отмечая сложность фигуры наблюдателя, К. Фрумкин говорит, что наблюдателем может быть и часть личности, тогда в общении она вызывает на диалог такую же фрагментарную личность. Однако если пристрастность отдельных частей личности погашает друга друга (ссылка на Выготского), то интегральная личность оказывается беспристрастна. Автор пишет, что личность в целом просто существует и ее конкретные цели неопределенны, недостаточность беспристрастности — следствие недостаточной цельности. Здесь идет упоминание Гурджиева и Тарта. Честно сказать, это суждение автора осталось для меня непонятным. Видимо, речь идет о некоей фигуре сверхчеловека, создание которого замысливалось школой Гурджиева. Совершенно очевидно, что в рамках повседневной жизни интегральная личность возможна только как идеал. Мы все — увы! — фрагментарны в особенности с учетом того, что занимаем, в пространстве и времени вполне конкретное место — обладаем «точкой зрения». Видимо, и беспристрастности нам не видать!

Эта часть работы завершается двумя разделами, посвященными взаимодействию внешнего и внутреннего наблюдателя, в частности превращению внешнего наблюдателя — во внутреннего. Здесь также идет речь о демонстративности и зрелищности культуры, в частности русской культуры, где эффект «бытия под взглядом» переходит в показуху, сокрытие одних сторон и выставление других. Но вещь, которая не боится быть увиденной со всех сторон, адекватна своей идее, подчеркивает автор.

В третьей главе «Феномен соглашения: попытка объяснения и моделирования» строятся гипотетические модели, предназначенные для объяснения бытия внутреннего наблюдателя. Преж-

де всего, автор полагает, что наблюдатель появляется при возникновении наблюдаемого — тех частей внутреннего мира, которые оказываются чужды ядру личности в силу того, что выступают препятствием для воли. Однако, откуда берется воля у бесстрастного наблюдателя? Автор выдвигает несколько возможных объяснений: обнаружение потока внутренних событий как чуждого, принадлежность воления наблюдаемому, а также наличие двух волей во внутреннем мире, двух желаний, одно из которых исконное, а другое — внешнее. В последнем случае идеальные исконные желания определяют структуру квазиличности наблюдателя. Вопрос, конечно, чрезвычайно сложный, но мне представляется, что необъясненным остается один момент: чем мотивированы идеальные исконные желания? Может ли у них вообще быть какая-то мотивация, сродни мотивации обычных желаний, которые можно отчуждать и созерцать? Думается, проблема во много остается открытой.

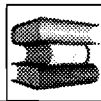
К. Фрумкин предлагает читателю несколько моделей сознания, обладающего внутренним наблюдателем, это бинарные и тернарные модели. В бинарной модели взаимодействуют сознание и самосознание, отделившееся от своего источника, и связь эта может нарушаться, в результате чего самосознание приобретает квазисамостоятельность. Тернарная модель вводит представление о третьем компоненте — метасамонаблюдении, способном различать сознание и самосознание как автономные образования. Это выводит на вопрос об уровнях рефлексии.

Но как еще можно объяснить самоотчуждение наблюдателя (а то и соглядаяя!) внутри нашего «я»? Автор полагает, что через наличие темпоральных нарушений индентификации и ввиду отчуждения, привносимого языком. С опорой на идеи А. Бергсона, М. Бубера, П. Тиллиха демонстрируется, что явление отстраненного наблюдателя воз-

можно только с ориентацией на прошлое, но если идентификация замедляется, то человек как бы не узнает собственный образ, смотрит на себя как нечто чуждое. Затем с истинным пафосом человека, всю жизнь занятого словом, К. Фрумкин рассказывает читателю об отчуждающей функции языка, о том, что языковые двойники как раз и предназначены для созерцания собственной проекции. Мне, как и автору рассматриваемого текста, этот сюжет близок и дорог в силу постоянной причастности к писательской работе.

В четвертой главе книги автор рассматривает, как влияет отстраненное созерцание на оценку политических событий, она называется «Феномен деятельности отшельника: созерцание как источник эстетизма в историософии». Эта глава написана на материале философии К. Леонтьева, и переводит внимание читателя с созерцателя внутреннего мира на созерцателя внешних событий — истории. В ней содержится также полемика с деятельностью психологией советского периода и размышление о чередовании в истории эпох деятельности и созерцательных. Стоит заметить, что книга написана в форме небольших подглавок, на которые делятся большие главы, и это, с одной стороны, облегчает чтение, а с другой позволяет под заголовком одного раздела свести порой весьма различные сюжеты, объединенные лишь главной смысловой нитью.

В центр внимания читателя в четвертой главе поставлен вопрос о том, каким образом возможно проповедуемое духовными учителями активное действие без внутренней включенности, без отношения и эмоций. Похоже, говорит автор, это какая-то тупиковая ветвь по дороге к абсолютному отшельничеству. Впрочем, я бы заметила, что это не столько тупиковая ветвь, сколько отдельная самостоятельная ветвь, позволяющая «внутреннему отшельнику» жить в миру и влиять на мир во имя

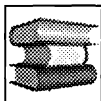
неких высших духовных интересов. Автор приводит позиции М. Монтеня, Г. Гурджиева, А. Шопенгауэра, К. Уилбера, утверждающих фундаментальность и предпочтительность позиции созерцательного свидетеля по сравнению с активной включенностью. Но парадоксально то, что, оставаясь внутри себя «лишь свидетелями», духовные учителя продолжают активно действовать. Собственно, это проповедует с древности до сегодняшнего дня карма-йога. Подобный парадокс, как показывает автор, присущ историософии К. Леонтьева, а, в сущности, не только его произведений, но соотношению произведений и жизни. К. Леонтьев — политически активный человек, но когда он выступает как аналитик, то требует от себя беспристрастности, он не хочет принимать в расчет свои собственные страдания. В то же время все его рекомендации исходят из страдания и неудовлетворенности, вызванных видом жизни. Леонтьев предсказал тоталитаризм и любовался его эстетическим строением, но, задается вопросом автор, смог бы Леонтьев оставаться столь же научно-беспристрастным, находясь в сталинских застенках? Для того, чтобы оправдывать тоталитарный режим, мысль должна быть отделена от жизни.

К. Фрумкин также приводит в качестве примеров попытки соединить деятельность и внутреннюю созерцательность позиции Августина, дзенских учителей и Ошо. Однако сам он не находит ответа на вопрос, как же возможно это соединение несоединимого. Впрочем, здесь, наверное, вопрос важнее ответа. Честно сказать, я думаю, что в проповеди отрешенной активности содержится некоторое лукавство, возможно бессознательное. Здесь есть маленькая погрешность против правды. Можем ли мы проверить, действительно ли социально-активные авторы, призывающие к созерцательности, настолько уравновешены и отрешены, как они об этом говорят? Желание быть

беспристрастным — еще не беспристрастность. Возможно, тот же Леонтьев добросовестно заблуждался насчет собственной внутренней объективности. Объективность «как таковая» не имеет предпочтений. Все предпочтения связаны с личной позицией, все той же «точкой зрения», и даже предпочтение жесткого иерархизма мотивировано как содержательно, так и эмоционально. Весь вопрос в характере мотивов. Скорее всего, сторонники карма-йоги и дзенские учителя руководствуются не столько созерцательностью, сколько более мощными и глубокими мотивами, не очевидными для «повседневного человека».

Пятая глава, возможно, наиболее необычная и спорная, соотносит представление о созерцании с представлениями о смерти. Поименована она жутковато: *«Феномен внутреннего мертвеца: отстраненное созерцание как источник человеческих представлений о смерти»*.

Прочитав с живым интересом все предыдущие размышления Константина Григорьевича, тут я споткнулась. Впервые моя интуиция в корне разошлась с основной интуицией автора. К. Фрумкин задается вопросом: в какой степени структура человеческого сознания и возможность отстраненного созерцания функционируют в качестве источника танатологических представлений? Страх смерти, говорит он, это страх потери действия сознания. И тут с ним нельзя не согласиться. Но далее с опорой на философию жизни на страницах главы разрабатывается идея о противоположности сознания и жизни, о жизнеугнетающей природе сознания, о танатогенном начале языка и т. д. Оппозиция «жизнь — мысль» рассматривается как аналогичная оппозиции «жизнь — смерть». Но позвольте, хочется мне воскликнуть, а как же страх смерти, он же — страх потери жизни, и он же страх потери сознания? Не получается ли наоборот,

Что сознание и жизнь — синонимы! Собственно говоря, никакой «жизни» вне осознания у нас нет (о чем дальше автор тоже говорит в другом контексте). Думается, акцентировка внимания на оппозиции «сознание — жизнь» возникает (у всех кто об этом пишет!) из биологизаторского понимания жизни. Для человека же, а речь идет только о человеке, вся жизнь дана через сознание, через мир культуры и культурных смыслов (как ни банально это звучит). Если же прибегнуть к аргументации «от эзотерики», которая не чужда автору, то стоит заметить, что у абсолютного большинства мыслителей, имеющих мистический опыт, подъем «в тонкие миры» — в миры сознания переживается как мощная интенсификация жизни, ярких красок, прекрасных звуков, необычайных переживаний. Какие же тут «мортальные черты сознания»? Сознание, если вспомнить Гуссерля, это особый регион бытия, именно бытия, а не смерти и исчезновения. Потому я и не могу принять тезис, согласно которому «жизнедеятельность и сознание борются друг с другом». Так же как не борются, а взаимодействуют сознание и бессознательное внутри индивида (что было прекрасно показано К.Г. Юнгом), совсем не идут врукопашную друг на друга жизнь и сознание. Для человека это — две стороны одной медали, нераздельные, неразлучные. И если отстраненный наблюдатель отчуждается от действующего «я» и от мира, то, скорее всего ненадолго (если это не случай патологии, которую следует лечить), и именно «отчуждается» — становится чужим, наблюдающим, внимающим, может быть, даже любующимся (!), но вовсе не мертвым.

В то же время я согласна с положением автора о том, что позитивистски ориентированное мышление требует устранения человека. Но не смерти его в экзистенциальном смысле, а просто его отсутствия. Впрочем, объективист-

ский пафос может быть истолкован и иначе: устранение человека, дезантропоморфизация — это «занятия истинной наукой по ту сторону могилы» в том смысле, что «за гробом» ты сливаешься со Всевышним и смотришь на все с позиции Абсолюта, совершенно объективно и, конечно, не по-человечески.

Автор пишет, что дискомфорт, которым сопровождается сознание, можно сопоставить с дискомфортом от приближения смерти. Но познание отнюдь не дискомфортно. Каждый из исследователей, каждый из творческих людей знает восторг познания, блаженство познания, великую потребность в нем, что, кстати сказать, отмечал и А. Маслоу, говоря о фундаментальных потребностях. Пример с необходимостью «выдерживать гласность» в демократическом обществе тоже кажется мне не показательным. Гласность — прекрасная вещь, если она показывает не только изнанку мира, но и его лицо, не только взрывы и маньяков, но праздники и открытия. Такую гласность, связанную со всесторонностью и конкретностью, нужно только приветствовать, и она не вызывает страха и печали.

Однако, довольно полемики. Книга Константина Фрумкина богата по содержанию, в ней множество идей, ракурсов, поворотов мысли, в ней огромный интеллектуальный багаж и большое количество примеров из истории культуры. В этих заметках я могу показать лишь канву, некоторые линии, прочерченные автором, не претендуя на подробный пересказ. Книгу «Позиция наблюдателя» надо читать, читать со вниманием от начала до конца, ибо она, как всякое талантливое произведение, лучше всего говорит сама за себя — текстом от первого до последнего слова. Могу лишь пожелать читателям журнала самим обратиться к этой книге и пройти вместе с автором все ее извилистые пути.